

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2008 г. В. И. БОЛОТОВ

А.А. ПОТЕБНЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Автор критически рассматривает основные положения современной когнитивной лингвистики в сфере идей А.А. Потебни и в этой связи выдвигает ряд собственных теоретических концепций. В статье анализируется сущность и соотношение таких категорий, как лексема, слово, концепт, фрейм, семантическое поле, тематическое поле, социальное поле, значимость, речевой акт, дискурс, текст.

Работы в области концептологии (когнитологии, когнитивной науки) почти полностью заполнили лингвистическое пространство, хотя базовые проблемы не получили окончательного решения. В этой связи привлечение работ А.А. Потебни, представляется, может способствовать более глубокому пониманию концептологии.

Общепринятыми считаются основные функции языка: коммуникативная, познавательная, или когнитивная функции, язык как форма хранения знаний и как средство передачи информации. Но так ли это бесспорно, хотя кажется и лежит на поверхности? Я имею в виду познавательную (когнитивную) функцию. Не вторгается ли лингвистика в чистую психологию и в чистую философию? Аргументированного ответа на этот вопрос пока нет. В настоящей статье мы попытаемся в какой-то степени заполнить эту лакуну. Использование при анализе текста такой гетерогенной категории, как социальное поле (СП) может, как нам кажется, стать тем фреймом, присутствующим человеку, коллективу, этносу, человечеству, который поможет объяснить условия и причины порождения текста, глубину понимания текста, причину его воздействия на тот или иной этнос, социум, индивид, характер воздействия на тот или иной этнос, социум, индивид и возможная речевая или предметная реакция в зависимости от принадлежности реципиента к тому или иному этносу, социуму и т.д. К базовым понятиям, имеющим прямое отношение к затронутой теме, следует отнести *лексему, слово, термин, лексическое значение, понятие, значимость, смысл, концепт, фрейм, семантическое поле, тематическое поле, социальное поле, речевой акт, дискурс, текст* и др.

Остановимся на некоторых из этих единиц, которые представляют определенный интерес для рассматриваемой проблемы.

Прежде всего, о взаимоотношении «знака» и «слова». Дискуссия о «двусторонности» и «односторонности» языкового знака и его отношения к слову возникла из-за разделения языка и речи [Соссюр 1977: 98–100, 145]. Строго говоря, знак всегда односторонен: в языке знаком слова (как языковой единицы) является акустический образ (означающее), а содержанием знака является понятие (означаемое). Следовательно, слово в языке – не знак. В речи слово (единство означающего/означаемого) как кор-

релят предмета – знак. Тогда слово – и знак, и не знак одновременно¹. Но если брать *слово* как единицу *языка* вообще, как коррелят *неязыка* вообще, как план выражения текста, то только в этом случае *слово* (и *термин*) и сам *язык* являются знаками, формой текста [Болотов 1981: 8–20, 67–68; 2003: 36–40]. Это замечание сделано мной только для того, чтобы подчеркнуть некорректность сравнения *слова* и *понятия*, которые часто употребляются в научных исследованиях. Делается это исключительно в целях удобства, традиции. Представляется корректней строить такие оппозиции: слово/термин, лексическое значение/понятие и т.д.

Один из основателей разработки проблем когнитивной лингвистики в России Е.С. Кубрякова пишет, что значение и знание начинают изучаться в этой научной парадигме совместно, в их соотнесенности и корреляции, в их постоянном взаимодействии [Кубрякова 1992: 34]. И далее Е.С. Кубрякова высказывает очень интересную идею: «С современной точки зрения, вопрос о значении языкового знания должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под “крышу” знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [Кубрякова 1993: 23]. Становится очевидным, что «концепт» не равен знаку, а только часть концепта раскрывается в знаке. Если знак в тексте – это слово, то лексическое значение – его означаемое, а если знак – это термин, то его означаемым является понятие. Следовательно, для концепта в лингвистике нет свободного семантического пространства и нет плана выражения, в котором бы этот особый ментальный феномен был бы помещен. В чем, в каких единицах раскрывается концепт? Где план выражения концепта? В чем отличие концепта от понятия термина и лексического значения слова? Или концепт – это мифическое, бестелесное ментальное образование?

Представляется, что в когнитивной науке (концептологии, когнитологии) нет «значений» в общепринятом понимании. Нельзя ставить знак равенства между «значением», «знанием», «познанием». Значение – это единица языка, познание – категория психологии, которая включает ощущение, восприятие, представление, внимание, память, мышление, воображение, речь, интеллект [Столяренко 2006: 132–219]. Общепринятое определение познания в философии следующее: «Познание – обусловленный законами общественного развития и неразрывно связанный с практикой процесс отражения и воспроизведения в человеческом мышлении действительности. Целью познания является достижение *объективной истины*. В процессе познания люди приобретают знания, понятия о реальных явлениях, осознают окружающий их мир. Эти знания используются в практической деятельности с целью преобразования мира, подчинения природы потребностям людей. Познание и практическое преобразование природы и общества – две взаимообуславливающие и взаимопроникающие стороны единого исторического процесса» [Розенталь 1975: 138]. Из цитаты следует, что знание – результат познания. Как только в процессе познания возникают знания – они вербализуются и автоматически переходят в какую-либо конкретную научную или

¹ Хотя нам понятна и точка зрения Ф. де Соссюра, который писал: «Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа, но в общепринятом употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например, слово *arbor*. Забывают, что если *arbor* называют знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие «дерево», так что чувственная сторона знака предполагает знак как целое» [Соссюр 1977: 100]. Иными словами, употребление *знака* у Соссюра – метонимия, т.е. перенос части (звукового образа) на целое. И далее: «Каждый языковой элемент представляет собой *articulus* – вычлененный сегмент, в котором понятие закрепляется определенными звуками, а звуки становятся знаком понятия. Язык можно сравнить с листом бумаги. Мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так как и в языке нельзя ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии. Лингвист, следовательно, работает в пограничной области, где сочетаются элементы обоего рода.

практическую область в виде терминов, идей самого различного плана – от научных, технических, медицинских до чисто бытовых, от принадлежности коллектива до принадлежности отдельного индивида.

В концептологии изучаются индивидуальные, коллективные и этнические данные и оценка знаний об определенном факте как феномене, проливающим свет на структуру индивидуального (коллективного, этнического) сознания. Концепт, в отличие от понятия, не включает все объективно существенные параметры и признаки предмета, а включает, как правило, меньшее количество признаков и только те признаки, которые представляются важными для *индивида, коллектива, этноса*, т.е. концепт привязан к *индивиду, коллективу, этносу*, а не к *предмету* как понятие, не к слову как лексическое значение (ср. [Самигуллина 2007: 11–24]).

Проблема дефиниции *знака* и его содержания еще и сейчас далека от окончательного решения. Знаком может быть и слово с его лексическим значением, и термин с его понятием, и высказывание, и сверхфразовое единство, и целый текст. Литература по лексическому значению слова необъятна. Поэтому нами только обозначены различные подходы и даются ссылки на наиболее авторитетные в научном плане фамилии в наиболее солидных публикациях. В.Г. Гак писал, что лексическое значение – это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Лексическое значение слова носит обобщенный и обобщающий характер. В лингвистике лексическое значение слова сопоставляется с философской категорией понятия. Значение соотносится с ближайшими (формальными, бытовыми) понятиями, отличающимися от содержательных, научных понятий. Совмещение понятия и лексического значения слова отмечается лишь у терминов. Лексическое значение имеет четкое ядро и нечеткую периферию. Лексическое значение определяется общими свойствами знака: его семантикой, синтактикой, прагматикой. Сторонники информационной теории считают, что лексическое значение слова есть совокупность информации, которую оно несет с собой [Гак 1990: 263]. Утверждение о том, что в термине лексическое значение совмещается с понятием, требует уточнения. Мы полагаем, что лексическое значение может входить в качестве элементов общих терминов [Болотов 1973: 103–114]. Основываясь на приведенном замечании В.Г. Гака, мы ввели понятие *словотермина*. Проблемы значения слова интересовали А.А. Потебню: «Что такое “значение слова”? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза – трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем *ближайшим*, другую, составляющую предмет других наук, – *дальнейшим значением слова*» [Потебня 1958: 19]. Из этого высказывания следует, что *ближайшее значение* примерно совпадает с *лексическим значением*, а *дальнейшее значение* синонимично *понятию термина*. Однако следующее высказывание А.А. Потебни заставляет нас усомниться в том, что *понятие* и *дальнейшее значение* – абсолютные синонимы. А.А. Потебня пишет: «Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга... Другими словами: ближайшее значение слова *народно*, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, – *лично*. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т.е. языка и средств, создание коих обусловлено существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально субъективной мысли, с другой – с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» [Потебня 1958:

20], ср. [Кацнельсон 1986: 24]. Здесь можно увидеть три противопоставления: 1) имплицитно дано противопоставление языка (он – народен) и речи (она – личная, индивидуально субъективная); 2) противопоставлены содержание *ближайшего значения*, которое, элементарно, всем известно, т.е. народно, и *дальнейшего значения*, которое *лично, индивидуально*, в высшей степени *объективно* в момент выражения мысли и как понятие термина отражает уровень наших знаний в какой-либо специальной области; 3) показано, что ближайшее значение – это средство коммуникации, а дальнейшее значение – это достигнутый при помощи этих средств коммуникации результат, т.е. само знание о предмете отдельным индивидом, персонифицированное знание (а не средство познания; которое изучается гносеологией), это знание в момент произнесения лично, объективно и, следовательно, не является понятием термина, а находится в «процессе» возможного превращения в термин, после того как оно станет общепризнанным достоянием определенной школы и средством коммуникации внутри этой школы. На этом этапе дальнейшее значение является базовым элементом языковой потенции, ментального языка индивида, тем недостающим звеном между речью и языковой системой, который вербализуется в идиолекте.

Итак, ближайшее, или формальное значение одинаково для всех индивидов, владеющих общим кодом, языком народа. Планом выражения этого формального значения является слово. Вслед за Ф. де Соссюром, мы условно связываем лексическое значение (означаемое) непосредственно со словом. Это имеет серьезное основание, ибо для нас слово – это единица общенародного, общего языка [Балли 1961: 247–251 и сл.]. Лексическое значение, прикрепленное к определенному слову, может быть как доминантой, так и экспрессивной (не нейтральной!) единицей, принадлежать к определенному функциональному стилю и обладать эмоционально-оценочными и эстетическими коннотациями. В идеальной терминосистеме не должно быть синонимических рядов и поэтому понятие «доминанта» для нее иррелевантно.

Дальнейшее значение А.А. Потебни связано с научной сферой, т.е. оно близко к *научному понятию*, дефиниция которого должна быть отражена в научном терминологическом словаре. Понятие термина непосредственно связано с предметом и отражает сумму всей объективной информации о нем. Эта информация об определенном предмете должна быть объективна. Но дальнейшее значение Потебни – «лично», а понятие термина не может быть личным. Значит, *дальнейшее значение* не *понятие* термина, а нечто иное. Мы полагаем, что это *концепт* – базовая единица когнитивной науки, ее план содержания.

Вряд ли кто-нибудь подпишется под утверждением, что проблема содержания *концепта* исчерпана и сейчас возможна его общепринятая дефиниция. Концепт в настоящее время широко рассматривается в концептологии (когнитивологии) и лингвокультурологии. Современная концептология по принципу компьютерного «умолчания» использует идеи младограмматиков [Пауль 1960: 35 и сл.] об отражении и преобразовании психикой индивида окружающего мира и создании в мозгу индивидуальных (несколько отличных от других) представлений, собственно говоря, концептов в современном понимании.

С когнитивных позиций наиболее общим и авторитетным определением концепта является определение, предложенное Е.С. Кубряковой. Концепт – это термин, «служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова 1996: 90].

С позиции лингвокультурологии известно определение Ю.С. Степанова, который считает, что концепт является «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43], что концепт – многомерная глобальная структура, состоящая из понятий, эмотивно-оценочного блока, сжатой истории и этимологии; он объективен и исторически детерминирован [Степанов 2001: 84].

К этому следует добавить одну существенную деталь: концепт всегда связан с *индивидом*. Концепт может включать интеллектуальную, эмотивную, эстетическую информацию, характерную для лексического значения слова, энциклопедическую ин-

формацию, характерную для понятия термина. Но концепт не является ни лексическим значением, ни понятием. И это мы попытаемся доказать. В качестве рабочего определения мы принимаем следующее: Концепт – это ментальная сущность, представляющая собой совокупность знаний о любом факте или событии в предметном мире из любой сферы бытия и деятельности в виде определенной идеи, особого подхода, особого видения мира отдельным индивидом или отдельной научной школой, или отдельной социальной группой, или отдельным социальным классом, или отдельным этносом. Содержание концепта выражается текстом или рядом однородных текстов и, будучи омонимичным слову, термину, он, прикреплен к отдельному индивиду или к отдельной научной школе, или к отдельной социальной группе, или к отдельному социальному классу, или отдельному этносу. Он содержит такие параметры, которых нет ни у термина, ни у слова. Поэтому для целей коммуникации он не пригоден. Если концепт обозначен языковой единицей, то она является омонимом и слова, и термина (ср. [Карасик 2004: 89; Воркачев 2003: 7]).

Концепт включает (в зависимости от сферы применения) элементы лексического значения (интеллектуальный и эмотивный, эстетической информации) или элементы понятия. Содержание его всегда глубже, а объем его всегда уже, чем у лексического значения и понятия, ибо он может быть принадлежностью отдельного индивида, отдельной научной школы, отдельной нации. Поэтому концепт не может быть *средством общения*, а является *средством сообщения, средством обсуждения, дискуссии*, в результате которой возникает или *новое слово с новым лексическим значением*, или *новый термин*, или *новая теория*, *новый аспект объекта*. Процесс представляется нам следующим образом: *индивидуальный концепт 1* сталкивается с *индивидуальным концептом 2*, в результате чего возникает редуцированный (упрощенный) *консенсусный концепт 3*, который уже является средством общения между этими индивидами и превращается в средство общения в виде нового лексического значения слова или нового понятия термина. Далее, концепт 3 сталкивается с родственными концептами 4, 5, ... концептом N и возникает редуцированный концепт определенной социальной или профессиональной группы, или научной школы (концепт S), который станет средством общения всех перечисленных индивидов и социальных групп. Редуцированный консенсусный концепт народа становится лексическим значением, редуцированный концепт всех научных школ – понятием научного термина. Если *лексическое значение* связано со *словом*, а *понятие* с *предметом*, то *концепт* связан с *индивидом*. Реальным средством познания окружающего мира и создания специальных картин мира является борьба индивидуальных концептов.

Планом выражения концепта не может быть ни термин, ни слово, но только *персонафицированный текст*, выражающий данную конкретную идею. На конечном этапе своего развития в результате борьбы концептов возникает общий редуцированный концепт, который превращается в новое (или модифицированное) лексическое значение слова или модифицированное понятие термина. Он и становится средством общения определенного социума, этноса.

В данном случае концепт для индивида – *константа*, а план его выражения (текст) – *переменная*, т.е. определенное множество текстов могут выразить один и тот же концепт. Вариативность плана выражения ограничивается рамками единства первоначального содержания (по законам трансформации), которое определяется *сферой*, в котором действует концепт, *местом*, *временем* и главное – *индивидом* (осуществляющим свою деятельность в определенном множестве социальных полей) или иным *коллективным субъектом*, который является автором концепта, или отдельным *этносом*. *Концепт* (как совокупность знаний) может существовать в любой сфере деятельности человека. Концепт существует и в аспекте планирования любой деятельности, ее осуществления и ее контроля, и в сфере бытовых отношений, и в сфере научной, этической, религиозной, медицинской, технической деятельности. Совокупность концептов определяет характер и особенности деятельности индивида, его картины мира, образ мышления, поведение индивида, коллектива, этноса. Например, можно с одина-

ковым успехом рассматривать такие концепты, как «дерево», «честь», «счастье», «религия», «молекула», «глагол» у какого-то определенного индивида, у какой-то научной школы, у представителя определенной религии. Однако некорректно смешивать *лексическое значение* или *понятие*, или *концепт* таких единиц, как «дерево», «честь», «счастье», «религия», «молекула», «глагол». Лексические значения или понятия этих единиц – средства коммуникации, а концепты – результат индивидуального познания.

Условно можно выделить *концепты дилетанта* (наивная картина мира) и *концепты профессионала* (научная картина мира). Во всех сферах человеческой деятельности имеются дилетанты, т.е. индивиды, не имеющие специального образования и соответственно специальных знаний в том или ином виде деятельности, и концепты профессионалов, т.е. индивидов, которые имеют специальное образование в рассматриваемой сфере. Наиболее трудно отделить концепты профессионалов и дилетантов в бытовой сфере, ибо каждый в этой сфере мнит себя профессионалом, а отдельные случаи трудно типизировать, категоризировать. В науке, искусстве, этике, эстетике, религии, профессиональных видах деятельности такую категоризацию легко сделать, сравнивая продукты реальной деятельности отдельных индивидов. Значит, концепт – это индивидуальное (коллектива, этноса) знание и оценка функционирования того или иного феномена в любой сфере деятельности индивида, в любом аспекте его жизни. Значит, *дальнейшее значение* А.А. Потебни не *понятие*, а *концепт* в современной терминологии. Концепт – это единица плана содержания концептологии, когнитивологии. Индивидуальный концепт не средство коммуникации, а лично познанное новое, мыслимое как объективное, эмоционально окрашенное и единственно возможное для данного индивида. *Концепт* является базовой единицей когнитивной лингвистики (концептологии). Он непосредственно связан с автором концепта. Этот автор может быть как отдельным индивидом, так и коллективом. В качестве коллектива может выступать любая социальная, профессиональная, территориальная или иная группа, объединенная единством какой-то идеи.

Итак, в современной терминологии планом выражения лексического значения является *слово*. Ближайшее значение А.А. Потебни является основой лексического значения, включающего минимум различительных признаков, необходимых для отличия одного слова от другого, эмоциональные коннотации и стилистическую отнесенность. Лексические значения непосредственно соотносятся с конкретными словами. Поэтому существует синонимия, отражая малейшие видовые отличия на фоне родового единства.

Но *дальнейшее значение* А.А. Потебни – это *концепт*, планом выражения которого является индивидуальный текст. Текст, свернутый до одной единицы, мы называем когнемой. Следовательно, когда в тексте употребляется языковая единица «концепт», то это метонимия (часть вместо целого) *когнемы/концепта*. В заголовке «Содержание и вербализация концепта «счастья» в русском и английском языках» имеется в виду как выражение особенностей менталитета данных этносов, так и языковые средства выражения этого концепта в сопоставляемых языках. Слово «концепт» сигнализирует о том, что исследователь вступает в область когнитологии или концептологии, где язык является лишь средством познания индивида, коллектива, этноса.

Термин является планом выражения *понятия*, которое имеет максимум интеллектуальной информации о предмете (денотате), соотносится непосредственно с предметом. Поэтому понятие динамично, пребывает в вечном изменении, в вечном движении. Эта информация имеет интернациональный характер и содержание соответствующих терминов должно быть абсолютно одинаковым на всех языках, что делает возможным абсолютно точный перевод терминов.

Слова с лексическими значениями помещаются в толковые словари национальных языков и являются предметом изучения лингвистов, а термины обладают понятиями, т.е. имеют *энциклопедическое* значение, помещаются в специальные научно-технические словари и являются предметом изучения соответствующих специалистов. Однако за пределами научного понятия терминов остаются личностные элементы, кото-

рые невозможно вставить в словарь и которые возникают в момент коммуникации. В этом отличие научного концепта от понятия, в этом сказывается «психологичность» А.А. Потебни.

Своеобразное развитие идей А.А. Потебни мы находим у С.Д. Кацнельсона: «В уме человека, в кладовой его памяти, понятия хранятся в двояком виде: как содержательные понятия, охватывающие всю сумму знаний человека о данном предмете, и как их формальные дубликаты, тесно связанные с значениями слов. Содержательные понятия хранятся в «свернутом» виде, и без нужды мы не обращаемся к ним. Не к чему ворошить целыми глыбами и при каждом упоминании о предмете мобилизовать весь наш запас сведений о нем. При обычных условиях достаточно оперировать словом как носителем формального понятия, не загромождая мысль излишними деталями. Содержательные понятия у разных людей могут оказаться различными в силу различий индивидуального опыта, уровня образования, самостоятельности мысли, творческой одаренности и т.д. Что же касается формальных понятий, образующих содержание слов, то в принципе они должны быть одинаковы у всех членов данной языковой общности» [Кацнельсон 1986 : 24].

Из этой цитаты следует, что «формальное понятие» примерно равно лексическому значению слова литературного языка, является элементом общенародного кода, известного большинству носителей данного языка. Однако формальное понятие не равно абсолютно лексическому значению слова, так как лексическое значение слова по своему характеру – национально-интернациональная единица словаря, а формальное понятие – его аналог, хранящийся одновременно как в кратковременной, так и в долговременной памяти индивида, оно носит интернационально-национально-индивидуальный характер, так как формальное понятие – единица идиолекта, а не языка. Индивидуальный компонент, проявляющийся в возможных оценочно-эмоционально-образных коннотациях, не имеет социальной важности и не препятствует коммуникации. Даже на уровне общения при помощи слов, реализующих формальное понятие (лексическое значение), часть информации (обычно оценочно-эмоционально-образной) может теряться. Ею обычно пренебрегают. Общение, в котором реализуются только лексические значения слов, происходит в тех случаях, когда коммуниканты принадлежат к одному и тому же национальному (по терминологии А.А. Потебни – народному) макросоциальному полю (СП), т.е. индивидам известен национальный код, но считается несущественной любая экстралингвистическая информация, связанная с национальным менталитетом, национальными картинками мира, социальным статусом и социальной ролью коммуникантов и условиями ситуации общения. В предложении: *Книги лежат на столе* не существенно, какие это книги, сколько их, как они лежат, на каком столе, кто это сказал, кому сказал, зачем сказал, какое это произвело воздействие. Это происходит из-за того, что коммуниканты друг друга не знают, что данное утверждение абсолютно безразлично для коммуникантов. Иными словами, содержательное понятие (дальнейшее значение А.А. Потебни) используемых слов при отсутствии личной заинтересованности *подавляется*. Срабатывает закон языковой экономии.

Однако следующее положение С.Д. Кацнельсона противоречит вышеизложенному: «Что же касается формальных понятий, образующих содержание слов, то в принципе они должны быть одинаковы у всех членов данной языковой общности». Иными словами формальное понятие лишается своего индивидуального компонента и переходит из идиолекта в язык. Кроме того, какая языковая общность имеется в виду? Народ? Социальная, профессиональная, территориальная группа индивидов? Представляется, что проблема примет несколько иное освещение, если членов определенной языковой общности объединить в социальные поля. Понятие социального поля было впервые введено мной в докладе в Софии на XI Съезде Ономастического конгресса в 1972 г. Это понятие определялось мной как единство всех элементов ситуации общения: коммуникантов, предметного мира, языка и ситуации (обстановки), т.е. индивиды входят в одно социальное поле (СП), когда у них относительно одинаков по составу

язык (код), предметный мир для совместной деятельности, общий тезаурус, общие пресуппозиции, общие идеи, но возможны достаточно разновекторные интересы [Болотов 1974: 147–154; 1981: 16–20]. СП появились не на пустом месте. Для относительно полного понимания текста деление языка на функциональные стили недостаточно. Необходимо выделить столько мелких «подъязыков», сколько существует социальных групп, входящих в определенные СП. Необходимо выделить столько идей, мыслей, сколько их существует в каждой социальной группе. Следует выделить не только особые идеи этноса, крупных социальных групп, но и мелких социальных групп с их групповыми и индивидуальными интересами (ср. с понятиями формы и субстанции плана содержания в понимании Л. Ельмслева). Только тогда можно понять причину порождения текста и обосновать относительно полное понимание текста (понимание намерений, концепта говорящего, подтекста). Необходимо выделить столько предметов и понятий окружающего мира, сколько необходимо для осуществления той или иной деятельности. Эти феномены следует рассмотреть с позиции нормы/ненормы их появления в том или ином СП. Всякое нарушение нормативности – признак возникновения эмоциональных коннотаций. В таком случае в языке можно выделить столько формальных понятий (ближайших значений слов), сколько в нем выделено макросоциальных полей, столько содержательных понятий (дальнейших значений), сколько в языке выделено микросоциальных полей, столько отличных индивидуальных компонентов дальнейших значений, сколько индивидов используют данный языковой код и соответствующие подкоды.

Внешне формальное понятие С.Д. Кацнельсона по своей семантической структуре примерно равно ближайшему значению А.А. Потебни. Но на самом деле формальное понятие – это единица идиолекта, ближайшее же значение А.А. Потебни – единица языка. Жаль, что эту идею С.Д. Кацнельсон не развивал дальше. Она бы сейчас была очнь востребована при изучении концептов. Содержательное понятие С.Д. Кацнельсона равно дальнейшему значению А.А. Потебни. Наличие в содержательной структуре слова компонентов дальнейшего значения (содержательного понятия) делает невозможным абсолютно адекватный перевод, ибо дальнейшее значение, «индивидуально», «лично» как писал А.А. Потебня. Нами это объясняется наличием в семантике слов одновременно *значимости*, *значения* и элементов *понятия*. *Значимость национальна* и отражает специфику именно данной языковой системы. С этой точки зрения, *лексическое значение* носит *интернационально-национальный* характер, так как в нем растворена *значимость*, и каждое значение имеет общее интернациональное ядро (смысл), которое делает языковые единицы переводимыми. Абсолютно адекватному переводу с одного языка на другой мешают именно эти значимостные смысловые добавки, которые носят чисто национальный характер. Они обычно теряются при переводе [Болотов 2001: 294–295]. Близкий подход к проблеме находим у А.Н. Баранова: «...за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры – сущности, которые можно описать на том или ином из специально разработанных языков представления знаний. Элементами этого языка являются фреймы, сценарии, планы, фон vs. фигура, модель мира, аффективные структуры, сюжетные свертки, оконные структуры текста, рамка внимания и др.» [Баранов 2003: 292]. Введенное мной понятие социального поля отличается от фреймов Мински тем, что оно привязано к индивидам и отвечает на вопросы, которые даже не ставились. Вопросы эти – следующие: Когда возможно содержательно-фактуальное понимание бытового текста? Ответ: Если коммуниканты принадлежат к одному и тому же этническому СП. Когда возникает понимание содержательно-фактуального и концептуального содержания специального текста? Ответ: Если коммуниканты принадлежат к одному и тому же специальному макро-СП. Когда возникает понимание содержательно-фактуального, концептуального, подтекстового содержания специального текста, усвоение его интеллектуально-эмотивных информаций, интенций говорящего? Ответ: Если коммуниканты принадлежат к одному и тому же микро-СП и, следовательно, обладают общими фреймами – общими «кусками» знаний, организованными «вокруг» некоторых

концептов, имеющих *конвенциональную* природу, т.е. нормативными для определенных коммуникантов в конкретной ситуации, в конкретное время и в конкретном месте. Ненормативность между любыми членами ситуации общения приводит к возникновению эмоциональных коннотаций. Цель речевого общения (совокупности речевых актов, которые также конвенциональны, нормативны) состоит в том, чтобы познать *концепты* друг друга в процессе коммуникации с помощью язык-речевых и речевых единиц и реагировать в зависимости от своих собственных интересов. Концепты могут быть самыми различными: от лично-бытовых до научных, от групповых до этнически отмеченных. Но они обязательно принадлежат или конкретному индивиду, или конкретному социуму, или конкретному этносу.

Далек от решения вопрос о единице знания, которая хранится в памяти, ее содержание и объем. Не разработан вопрос о том, в какой памяти хранятся единицы знания. В кратковременной? Долговременной?

Можно предположить, что формальное понятие (ближайшее значение, лексическое значение) хранится в кратковременной памяти. Оно мгновенно доступно и делает коммуникацию возможной. Лексическое значение слова примерно одинаково для всех носителей языка, что делает понимание и перевод возможным на содержательно-фактуальном уровне носителями данного языка. Можно предположить, что дальнейшее значение находится в долговременной памяти индивида и переходит в кратковременную при заинтересованности, т.е. особого внимания субъекта к хранящейся там информации по параметрам «интересно/неинтересно», «выгодно/невыгодно», «хорошо/плохо», «добро/зло» и т.д. А это происходит, когда коммуниканты принадлежат к одному и тому же макро- и микросоциальному полю, т.е. имеют относительно одинаковый тезаурус и пресуппозицию, определенную разновекторную заинтересованность в том или ином событии, факте, процессе.

Можно предположить, что часто востребованная *информация, умения и навыки* одновременно находятся и в кратковременной, и в долговременной памяти. Это – один из важнейших параметров эрудиции и высокого профессионализма индивида, т.е. эрудированный человек легко достает нужные дальнейшие значения из долговременной памяти.

Обычно не цитируется очень важное положение А.А. Потебни относительно ближайшего значения: «Пустота ближайшего значения, сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что *слово* называется *формой мысли*» [Потебня 1958: 20]. В современной терминологии это означает следующее: при анализе текста значение слов (в нашей терминологии – язык-речевых единиц [Болотов 2006: 47–53]) является константой, постоянной, зафиксированной в словарях, а мысль – переменной. Язык-речевые единицы – это *тема* (нечто заранее известное, данное), а *мысль* – это *рема* (нечто новое)².

Когда достигается «консенсус» между лингвистами одной школы или между отдельными школами относительно признаков того или иного предмета (факта, события), то его вновь одобренные параметры становятся частью *обновленного* ближайшего (известного всем специалистам) значения термина, становятся средством коммуникации, а дальнейшее познание мира, его дальнейшее значение углубляется и осложняется многими нерешенными проблемами, становится индивидуальным средством (в новом своем качестве) познания и обоснования новых гипотез. Иными словами, в тексте *ближайшие* значения слов, общие понятия общеизвестных технических

² Естественно, это не относится к *речевым* единицам (тропам, например), возникающими в тексте. Эти единицы не являются коммуникативными, но являются объектом исследования и познания, а само познание достигается посредством единиц с относительно полно понимаемыми «народными единицами», имеющими ближайшее значение. Речевые единицы могут быть *ремой, целью коммуникации, содержанием мысли, решаемой, конечно, с помощью язык-речевых единиц*. Но будучи одобренными социумом они (тропы) усиливают при помощи образности, эмоциональности идею, мысль высказывания или текста.

терминов в речевых ситуациях вовлекаются в коммуникацию, способствуют тому, что *дальнейшие* значения этих лексических единиц становятся общепонятными для индивидов данного социального поля, превращаются в новые контекстуальные, расширенные и углубленные *ближайшие значения*, но только в данном тексте или в данном техническом подязыке. Но одновременно возникают новые элементы в содержании понятия, которые будут обязательно индивидуальными и нацеленными на дальнейшее познание индивидом факта, явления, события. Они и становятся *концептом*, базовой единицей когнитивной лингвистики, средством и процессом индивидуально-коллективного отражения и преломления, оценки индивидом окружающего мира, построения своей собственной индивидуальной картины мира. Надо только иметь в виду, что если ограничительным социальным полем является макросоциальное поле, например, социальное поле лингвистов-фонологов, то будут задействованы ближайшие значения фонологических терминов, получивших более или менее общенаучное признание фонологов. Если базовым СП будет микро-СП лингвистов ленинградской фонологической школы, то в качестве ближайших значений фонологических терминов будут только общепринятые понятия этой фонологической школы, т.е. коммуникация делается возможной только тогда, когда индивиды в качестве общения берут предварительно оговоренные параметры (консенсусы, см. выше). Таким образом, граница между *ближайшим* и *дальнейшим* значениями весьма условна и подвижна, т.е. могут существовать столько *ближайших* значений слов, сколько существует социальных полей со своими подязыками.

Каждое слово в сознании индивида имеет как ближайшее, так и дальнейшее значение. В языке повседневного общения (обыденном языке) ближайшее значение служит в коммуникации *темой* любого сообщения. Например, *Мальчик сел на стул*. *Мальчик* – чистая тема (человек, незрелый, мужского пола). *Стул* – наполовину тема, так как данное существительное является частью группы сказуемого и в данном случае неизвестно, что в дальнейшем высказывании будет новым – *стул* или *сел*. В предложении *Мальчик был высоким, кареглазым и очень симпатичным* характеристика мальчика уже имеет дальнейшее индивидуальное значение и уже не связана непосредственно со словом «мальчик», но с конкретным денотатом (предметом), который называет данное слово в данном конкретном тексте. У каждого носителя языка имеется одно ближайшее значение слова, общее для остальных носителей языка, и множество индивидуально-личных значений, которые связаны с жизненным опытом и эмоциональными переживаниями, связанными с звуковым комплексом «мальчик». Ближайшее, формальное значение, хранящееся в кратковременной памяти, имеет «автоматический» характер (согласно концепции пражской школы) и готово «сорваться с языка» без участия сознания. При проявлении интереса, появлении мотивации подключается сознание, возникают оценки: «хорошо/плохо», «добро/зло», «выгодно/невыгодно», «прекрасно/безобразно» (в случае принадлежности реципиента к одному и тому же СП). У реципиента появляется необходимость извлечь из долговременной памяти дальнейшее, личное значение слова и коммуникативная функция слова сменяется познавательной, точнее коммуникативно-познавательной, а затем познавательной. Происходит переход дальнейшего значения в кратковременную память и использование данной единицы в целях коммуникации. Любое творчество, любой троп – метафора, метонимия, оксюморон и т.д. – это извлечение из долговременной памяти элементов дальнейшего значения, которое для единиц повседневного общения, для единиц литературного языка индивидуально. У многозначного слова, как правило, главное значение является ближайшим значением и хранится в кратковременной памяти. В синонимическом ряду содержание доминанты является ближайшим значением и хранится в кратковременной памяти. В тематическом поле слова, составляющие ядро, используют свои главные, ближайшие значения, которые хранятся в кратковременной памяти. Они – первые, которые приходят на ум, они – первые, которые легко воспринимаются и бессознательно понимаются. Однако при дальнейшем «осознании» при лингвистическом анализе все остальные значения синонимического ряда могут всплыть и воз-

действовать на это значение, привнося различные дополнительные коннотации, но это сугубо индивидуально, так как и длина синонимического ряда у каждого индивида различна и характер образности различен. Границы ближайшего значения весьма размыты.

Термин в определенном специальном подязыке обладает ближайшим терминологическим значением, т.е. набором общеизвестной, общепринятой информации, количество которой постоянно растет, и он выполняет коммуникативную функцию, так как он используется в качестве единицы для объяснения какого-либо феномена или одной из его собственных функций. Эту часть его значения я назвал когда-то *общим* [Болотов 1973: 103–114]. Оно известно определенному кругу специалистов в той или иной области и оно для них является по сути дела «ближайшим» терминологическим значением, так как включает минимум различительных признаков, необходимых для отделения данного денотата (предмета с именем) от всех других или отделения данного термина от всех других. Но при углублении семантической структуры термина, при сужении его объема оно переходит в более специальный подязык, приобретая параметры дальнейшего терминологического значения. Эти новые параметры значения делают его отличным от всех остальных значений. В таком случае возможны два варианта: 1) это уже новое понятие, для которого необходим новый термин или старый термин с уточняющим определением, т.е. терминологическое словосочетание; 2) это старое понятие, но с новым к нему подходом. Для такого нового подхода к понятию необходим также новый термин или пояснения, объясняющие новый подход (ср. дефиниции фонемы московской, лондонской и ленинградской фонологическими школами).

Таким образом, содержание термина есть результат познания кусочка объективной действительности, признанный хотя бы отдельной группой специалистов данной области науки или техники. Но не задействованным остался основной, наиболее динамичный компонент «дальнейшего значения». Позволю повторить мысль А.А. Потебни «...ближайшее значение слова *народно*, между тем дальнейшее у каждого различное по качеству и количеству элементов, *лично*. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т.е. языка и средств, создание коих условлено существованием языка» [Потебня 1958: 20]. Значит, дальнейшее значение включает индивидуальный компонент и формирует высшую научную объективность мысли, т.е. это не средство коммуникации, а средство познания нового, необычного раннее, т.е. в данном случае наблюдается переход термина в иную сферу, в сферу непосредственного познания мира, в сферу когнитивной науки, которая фиксирует не результат познания, а сам процесс познания. Поэтому когнитивная наука участвует в самой добыче этих знаний. Как только эти новые знания в любой отрасли науки и техники кристаллизуются, то отсеивается все индивидуальное и возникает новый термин с новым, отличным от всего раннего понятием. Когнитивная наука занимается *процессом* познания. Она использует до-языковые ментальные единицы, содержание которых мы называем *концептом*, а их форму *когнемой*, равной по своей структуре тексту или вариации текстов с единым содержанием. Таким образом, константой у когнитивной единицы является содержание, переменной – форма текста (совокупность всех его трансформ или вариаций), а языковые единицы – термины и слова общеупотребительного языка – фиксируют результаты этого процесса. Единицы и понятия когнитивной науки не являются средствами коммуникации, а средствами приобретения знаний. Когда мы говорим о познавательной функции языка, то мы не совсем точны. Язык – это средство коммуникации, а средством познания и объекта, и субъекта являются *концепты* (план содержания) когнитивной науки, которые, по сути дела, являются *дальнейшими значениями* в понимании А.А. Потебни и, по-видимому, близки к базовой единице языковой способности индивида. В редуцированном виде они через внутреннюю речь в виде нормативного текста порождаются говорящим. Планом выражения концептов должны стать *когнемы*, представленные в виде текстов.

Происходит удивительная вещь. Имеется уже огромная литература, посвященная когнитивной лингвистике, написано много статей и монографий, в которых анализируется содержание концепта, которое еще, к сожалению, не получило однозначного решения. Но концепт – это план содержания, а где же план выражения? По единодушному мнению *концепт* – это не *понятие*, у которого планом выражения является *термин*, *концепт* – это не *лексическое значение*, план выражения которого является *слово*. У концепта, оказывается нет плана выражения! План содержания концепта должен быть выражен при помощи слов и терминов, которые имеют свои собственные планы содержания. Как можно говорить о науке, основная единица которой не имеет плана выражения? Произвольно в этой функции выступает то *термин*, то *слово*. Может быть, концептами следует считать определенный строго очерченный слой лексики, выделенный из терминологии и из слов языка повседневного общения? Тогда какой? Каков принцип и критерий его выделения? На эти вопросы ответов нет. Более того, представляется, что даже не замечается отсутствие плана выражения у концепта. Единицу называют «концептом» и читатель должен ее принимать как таковую, не спрашивая, почему именно это концепт, а не семантическая структура лексемы или лексическое значение слова или понятие термина. Может быть, концепт – это смешение семантической структуры лексемы, лексического значения слова и понятия термина? Мы предлагаем иной подход: концепт – это особое «до-словесное», «до-терминологическое» содержание знака *индивида*, наиболее его динамическая часть, которая связана с индивидуальной психикой в момент отражения ею и «обработки», преломления факта, события или явления окружающей действительности в виде каких-то образов, представлений, смутных описаний и эмоциональных или логических оценок. Иными словами, концепт – это совокупность каких-то признаков феномена в сознании *индивида* о чем-то, в определенном месте, в определенное время, в определенной ситуации общения. *Концепт* – это самая динамическая до-речевая категория индивида, впитавшая определенную информацию из памяти по данному конкретному факту в рамках всего человечества, этноса, класса всех макросоциальных полей и конкретного микро-СП. В редуцированном виде концепт может быть представлен в виде текста – отчета о совокупности знаний по данному факту отдельного индивида, класса, социальной или профессиональной группы, научной школы. Так, дефиниция фонологического термина «фонема» в идеале должна включить несколько концептов: *лондонской, ленинградской, московской* и т.д. *фонологических* школ вплоть до *индивидуального концепта*. До-термин в стадии становления, не получивший одобрения большинства, я предлагаю назвать когнемой. *Когнема*, строго говоря, – это план выражения, языковая форма концепта (как слово в общенародном языке является планом выражения лексического значения), этот план выражения включает в себя целиком весь текст или совокупность всех текстов по фонологии всех представителей лондонской или ленинградской школ или отдельного представителя этих школ. В последнем случае это будет индивидуальный концепт. Может показаться, что в таком понимании *концепт* очень близок к денотативному значению нарицательного имени. Сходство несомненно есть, но следует отметить и принципиальную разницу: концепт – это содержание определенного феномена, которое сохраняется во всех социальных полях данного подъязыка, всегда принадлежит вполне определенным или определенному индивиду, а денотативное значение слова сохраняет свое содержание только в одной конситуации и равно сумме всех предикатных слов, характеризующих данное имя [Болотов 2001: 151–162].

Данное построение сделано для того, чтобы «перекинуть мост» между традиционной лингвистикой со *словом* как основной языковой единицей и ближайшим значением Потсбни как его содержанием и концептологией (когнитивологией). Для этого необходимо сделать лексическое значение (ближайшее значение) эластичным, расширить его и транспонировать в специальный подъязык, включая в него, как говорилось выше, уже общепринятые технические параметры (хотя бы для данного подъязыка или для данной научной или технической школы). Тогда это обновленное *общее зна-*

чение термина становится его ближайшим терминологическим значением, готовым для коммуникации. Следовательно, индивидуальные параметры лексического значения переместятся в дальнейшее значение и станут сами объектом познания, формируя концепты. Когнема и будет той единицей, которая отражает новый подход для понимания того или иного аспекта исследуемого феномена. Итак, планом содержания термина является *общее понятие термина технического или научного подъязыка*, принятое той или иной профессиональной группой. Термин функционирует как таковой, если он отражает апробированную (общепринятую) информацию о феномене. Индивидуальное знание о том или ином феномене есть концепт как компонент индивидуальной картины мира. Концепт – единица когнитивной науки, единица процесса познания.

Когнема, план выражения концепта, коммуникативно нерелевантна, так как она индивидуальна; коллективные параметры концепта также коммутативно нерелевантны до тех пор, пока они не будут адекватно пониматься хотя бы одним реципиентом. Причем индивидуальные параметры картины мира должны быть базовыми в микро-СП, а коллективные параметры – в макро-СП.

Для специального научного подъязыка идеальный *термин* должен включать в себя всю совокупность существующих *когнем*, которые свидетельствуют о развитии науки в данном конкретном подъязыке. В минимальном специальном подъязыке базовой единицей является *под-под-видовой термин*, который лишен таких категорий, как синонимия, омонимия, многозначность и т.д. Словосочетания должны иметь всегда общую сему (в духе Порцига), сами же под-под-термины должны принадлежать к одной и той же терминологической системе или подсистеме, обслуживающей определенный, строго отграниченный «кусочек» технической или «научной» действительности. Синтаксис должен быть строго нормативен. Только в этом случае можно в полной мере выразить интеллектуальную информацию и эквивалентно ее передать. Любое нарушение нормативности вышеотмеченных параметров может привести к двусмысленности и непониманию и вызвать отрицательные эмоции. Когнема в любом микросоциальном поле *индивидуальна* и ее концепт соответственно строго *индивидуален*. Чтобы стать средством коммуникации один концепт должен «добиться признания» всех остальных индивидов данной социальной группы в данном социальном поле (СП). И тогда и он станет коллективным концептом данной когнемы. Например, в данном СП осуществляют деятельность 5 индивидов. По данному факту у них 5 различных точек зрения, выраженных в 5 различных текстах. В результате борьбы или договоренности победила когнема 3 с концептом 3. В редуцированном (упрощенном) виде эта когнема 3 (в виде отдельного текста с отдельной идеей) с концептом 3, принятая всеми членами данной группы внутри данного СП, и есть единица общения внутри данного СП и она автоматически редуцируется, сокращается, сворачивается до отдельного термина или терминологического сочетания для данного микро-СП, который и является средством общения внутри данного микро-СП. Но назвав какую-либо языковую единицу когнемой, я автоматически отношу ее в область когнитологии, обозначив ее концепт как нечто индивидуальное, отличное от всего остального, служащее средством познания факта окружающего мира, а не средством коммуникации.

Язык (как нечто отчужденное от отдельного индивида, упрощенное и одобренное) никогда не был средством познания окружающего мира или внутреннего мира самого человека, его психики. Язык всегда лишь средство коммуникации, т.е. передачи знаний от индивида обществу и наоборот. Средствами познания мира являются когнемы с индивидуальными концептами, ментальными единицами дознакового характера. Борьба индивидуальных концептов, индивидуальных когнем, и приводит к возникновению коллективного концепта коллективной когнемы и далее к возникновению языкового знака – термина или слова. Возможен и другой вариант: у всех индивидов данного СП одна когнема, но разные концепты – это когнемы. Тогда, сохраняя традиционную когнему, индивиды согласуют концепты, вырабатывают консенсусный

концепт или принимают один концепт кого-либо из индивидов как согласованный, базовый, используемый как для коммуникации, так и для дальнейшего исследования.

Эмоциональность в специальном научном подъязыке возможна, но не за счет плана выражения (вариантности языкового выражения, так как план выражения постоянен, константа), а за счет плана содержания – логического одобрения/осуждения выраженных идей, что происходит из-за принадлежности реципиента к разным научным школам или конкурирующим фирмам, т.е. при возникновении «борьбы» содержаний одного и того же термина. Следовательно, план выражения в терминосистемах – постоянная, а план содержания – переменная, хотя в идеале и план содержания (понятие), и план выражения (термин) должны быть постоянными, чтобы осуществлять коммуникативную функцию языка. В действительных научных и технических подъязыках и термин и понятие переменны и находятся в «динамическом равновесии». С одной стороны, постоянное развитие науки и техники приводят к тому, что термин перегружается информацией и вынужден дробиться: ср. *синхротрон*, *синхротрон-инжектор*; *конденсатор*, *переменный конденсатор*, *постоянный конденсатор* и т.д. С другой стороны, часть понятия общего термина переходит в новое терминологическое образование. В когнитологии главная функция единиц – познания мира, в терминосистемах – передача информации. Познание мира осуществляется при помощи концептов, до-словесных, до-терминологичных ментальных образований. Когда мы говорим концепт «счастья», то это *омоним* и слова «счастья» и понятия «счастье». Это «счастье» в понимании отдельного конкретного индивида, конкретного коллектива, этноса. Естественно, идеальных *когнем* и *терминов*, идеальных *когнемосистем* и *терминосистем* в мире не существует. Имеется терминологическая синонимия. Максимально уменьшив негативное влияние такой синонимии на понимание текста можно, исключив употребление синонимов в одном тексте и сделав соответствующую сноску. В специальных подъязыках язык – лишь средство для передачи интеллектуальной информации и его глобальная задача – не мешать этому, способствовать этому и потому он наиболее близко соприкасается здесь с логикой и должен следовать логическим, а не собственно языковым законам. Поэтому в спецязыках языковые правила должны отличаться от правил литературного языка, языка повседневного общения, где язык проявляется в своей главной функции как средство коммуникации, сопровождаемой оценкой, в основном, за счет языковой вариативности, а познавательная функция ограничивается выяснением межличностных отношений внутри общества. В специальных социальных полях, специальный подъязык должен избегать исключений, ненормативностей, синонимии, тропов, чтобы язык смог выполнить свою основную познавательную функцию. На таком «идеальном», «безличностном», логическом языке и должны бы писаться научные трактаты, исключая влияние индивида, но это лишь благое пожелание, далекое от реального положения вещей.

Научные и технические тексты эмоционально насыщены, но эмоции возникают за счет плана содержания, за счет принятия или непринятия выраженных в научных текстах идей. План выражения – это константа. План содержания – переменная.

Рассмотрев *дальнейшее значение* А.А. Потебни, мы увидели, как тонко различал и чувствовал А.А. Потебня содержательную сторону знака, что еще в середине XIX века этот ученый предвидел расширение интереса лингвистов в сторону вторжения в сферы специальных наук, имеющих свои правила и законы, и предостерегал от бездумного переноса в эту сферу закономерностей и правил изучения, методики изучения, принятых в лингвистике. С полным основанием можно считать, что А.А. Потебня расчистил путь для возникновения новой науки на стыке социологии, лингвистики и психологии – когнитологии, или когнитологии (когнитивной науки), или когнитивной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли 1961 – Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961.
Баранов 2003 – А.Н. Баранов. Теория и методика преподавания языка // Введение в прикладную лингвистику. М., 2003.

- Болотов 1973 – В.И. Болотов. Значение слова, термина и энциклопедическое значение имени собственного // Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973.
- Болотов 1974 – В.И. Болотов. Социальные поля и энциклопедическое значение антропонимов в речи // Actes du XI-me congrès international des sciences onomastiques. Т. 1. Sofia, 1974.
- Болотов 1981 – В.И. Болотов. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Ташкент, 1981.
- Болотов 2001 – В.И. Болотов. Читая Ф. де Соссюра (Комментарии) // Имя собственное, имя нарицательное. Эмоциональность текста. Лингвистические и методические заметки. Ташкент, 2001.
- Болотов 2003 – В.И. Болотов. Теория имен собственных. Ташкент, 2003.
- Болотов 2006 – В.И. Болотов. Языковые, язык-речевые и речевые единицы дискурса // Язык. Культура. Коммуникация. Волгоград, 2006.
- Воркачев 2003 – С.Г. Воркачев. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003.
- Гак 1990 – В.Г. Гак. Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Кацнельсон 1986 – С.Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
- Карасик 2004 – В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Кубрякова 1992 – Е.С. Кубрякова. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.
- Кубрякова 1993 – Е.С. Кубрякова. Возвращаясь к определению знака // ВЯ. 1993. № 4.
- Пауль 1960 – Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.
- Потебня 1958 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- Розенталь 1975 – М.М. Розенталь (ред.). Философский словарь. М., 1975.
- Самигуллина 2007 – А.С. Самигуллина. Когнитивная лингвистика и семиотика // ВЯ. 2007. № 3.
- Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 2001 – Ю.С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Столяренко 2006 – Л.Д. Столяренко. Основы психологии. Ростов-на-Дону, 2006.